

РАДИЦЕВ О ВЗАИМОТНОШЕНИИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

А. Н. Радищев, наряду со своим великим предшественником М. В. Ломоносовым, явился родоначальником русского материализма, развитого в XIX в. передовыми мыслителями и учеными: Белинским, Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, Менделеевым, Сеченовым, Тимирязевым и др.

Приняв и разработав материалистические идеи Ломоносова, Радищев возвел русскую материалистическую мысль на новую, высшую ступень, поставив свои философские взгляды в неразрывную связь с революционными общественными идеями. Он создал свое оригинальное прогрессивное материалистическое учение, являвшееся философским обоснованием его общественно-политических воззрений.

Большой интерес представляют высказывания Радищева о взаимоотношении языка и мышления. К сожалению, эти его высказывания слабо освещены в нашей литературе. Материалистически решая основной вопрос философии, т. е. признавая первичность материи и вторичность сознания, Радищев считал, что сознание появляется на определенной ступени развития материи, что оно представляет собой свойство наиболее высоко организованной материи и имеет свой вещественный материальный орган — мозг, функцией которого сознание и является. Признавая мозг источником мышления, Радищев опирался на повседневный опыт человека и на научные данные тогда еще молодой физиологии. «Мы чувствуем,— пишет он,— что мысль наша пребывание имеет в голове, и опытами знаем, что расстроенный мозг рождает расстроенный рас-судок»¹.

Радищев ставит состояние мыслительных способностей человека в зависимость от его телесного развития. Это строго согласуется с его материалистическим утверждением о том, что мысль более развита там, где более совершенной является телесная организация. Когда человек рождается, его тело еще слабо, мозг не развит, чувства еще в зачаточном состоянии. Постепенно, с укреплением и развитием тела усложняется деятельность чувств, а на их основе развивается мышление. Чем старше ребенок, тем более укрепляется его телесная организация; чем совершеннее телесная организация, тем совершеннее и работа мозга — этого «вещественного» органа, — тем совершеннее и мысль. С полным развитием тела достигается и полное развитие мыслительных способностей. Но тело, подверженное действию времени, начинает разрушаться, и с его разрушением угасает и деятельность мысли. «Замечается при рассмотрении разумных сил человека... что силы сии ничто при рождении, разверзаются, укрепляются, совершенствуют, потом тупеют, ослабевают, немеют и исчезают; что сия постепенность следует постепенности в развержении и уничтожении сил телесных и что тесное есть сопряжение между плодотворительного сока и человеческих умственных сил»².

Характеризуя мышление как свойство мозга, Радищев выступает как против дуалистов типа Декарта, отрывавших мышление от материи и считавших его отдельной, самостоятельной субстанцией, существующей наряду с материей и независимо от нее, так и против вульгарных материалистов, отождествлявших сознание с материей. Радищев, говоря о мышлении, все время подчеркивает, что оно является с в о й с т в о м мозга, а не самим мозгом и не каким-то выделенным мозговыми волокнами веществом: «... душа наша или мыслящая сила не есть вещество само по себе, но свойственность сложения...»³. Таким образом, Радищев рассматривает мышление как свойство высокоорганизованной материи, как продукт мозга.

В непосредственной связи с вопросом о природе сознания Радищев решает проблему соотношения языка и мышления. В решении этой проблемы А. Н. Радищев является последователем М. В. Ломоносова. Еще в «Путешествии из Петербурга в Москву» он в «Слове о Ломоносове» с уважением и восхищением отозвался о великом русском ученом, как о выдающемся языковеде, который своим филологическим изыска-

¹ А. Н. Радищев, Избр. философ. соч., Госполитиздат, 1949, стр. 358.

² Там же, стр. 298.

³ Там же, стр. 354.

ниям предпослал «философическое рассуждение о слове вообще, на самом естестве телесного нашего сложения основанном»¹. Радицев излагает общие философские положения Ломоносова о человеческой речи и в своих высказываниях о языке исходит из этих положений. Развивая их, он материалистически истолковывает соотношение языка и мышления и роль языка в процессе общения людей. Радицев говорит о речи, как о «благороднейшем по разуму (т. е. после разума.—*М. С.*) даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей». Он пишет: «Слово есть изображение наших мыслей, посредством образования голоса через органы, на то устроенные»².

Свои взгляды на слово, речь, язык в их соотношении, взаимодействии и взаимосвязи с мышлением Радицев развивает в философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии». Не следует, конечно, забывать, что Радицев подходил к этому вопросу с позиций метафизического материализма и потому решал его ограниченно и порою непоследовательно. Однако ряд его мыслей представляет несомненный интерес как результат взвешивной работы философа-материалиста. Прежде всего Радицев отмечает, что речь является исключительной особенностью человека, отличающей последнего от «всех других живых его собратьев» — животных. Человек так привык к этому своему преимуществу перед животными, что считает его вполне обыкновенным и часто не задумывается над его значением. Однако, говорит Радицев, это качество человека достойно всяческого внимания. Речь присуща человеку и только человеку. И даже если сороку, скворца и поугая можно научить произносить некоторые слова, то это — лишь бессознательное подражание человеку.

Радицев восхваляет речь как главное средство общения между людьми, средство отражения реальных образов предметов в словах и передачи этих слов посредством голосового аппарата. Он считает, что речь послужила стимулом развития человеческого общества: «...начальный способствовать усовершенствованию рода человеческого есть речь»³. Имея в виду, что без речи невозможна практическая и научная деятельность людей, он замечает, что «...ее (речи.—*М. С.*) пособию одолжен человек всеми своими изобретениями...»⁴.

По мнению Радицева, роль речи в человеческом обществе настолько велика, что, собственно, само оно создано главным образом речью. Это высказывание Радицева интересно в том отношении, что оно направлено против «любителей чудес» — идеалистов, с которыми полемизирует Радицев в своем трактате. Чудесам мистическим, выдуманым, несуществующим Радицев противопоставляет «чудо» материального порядка — речь, которая достойна называться чудом, так как она несет чрезвычайно важные функции в жизнедеятельности человеческого общества. Однако Радицев, будучи, как и все домарксовские материалисты, идеалистом в объяснении общественных явлений, не мог еще понять, что человека создали «сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь...»⁵. Поэтому слово для него — главная сила, создавшая человека и человеческое общество. «...кто возвал род человеческий к обществу из лесов и дебрей, в них бы скитались, аки звери дубровни и не бы были человеки? Кто устроил их союз? Кто дал им правление, законы? Кто научил гнущаться порока, и добродетель сотворил любезную?» — спрашивает Радицев, и тут же сам отвечает: «Речь, слово»⁶. Таким образом, он считает их первоисточником всех социальных, общественных, юридических, этических учреждений в человеческом обществе. Это, конечно, неправильный, ложный, идеалистический взгляд. Иного, правильного ответа на вопрос о происхождении человека и человеческого общества Радицев, ограниченный уровнем социологической науки того времени, дать не мог.

Не будучи в состоянии раскрыть диалектическое единство языка и мышления, Радицев все же ставит их в тесную связь и взаимодействие. По его словам, человек «звук (т. е. слово.—*М. С.*) сделал мыслию, а «мысль преобразил в чертоносное (носящее определенные черты.—*М. С.*) летание»⁷. Понимая речь как выражение мысли, он утверждает, что «речь, расширяя мысленные в человеке силы, оуждает оных над собою действие и становится почти изъявлением веселия»⁸. Как видим, Радицев подчеркивает здесь взаимообусловленность языка и мышления: речь испытывает на себе руководство мысли, а сама является средством «расширения» мыслительных способностей. Таким образом, он заключает, что руководящей силой является мысль. Звук, производимый голосовым аппаратом, и мысль — продукт мозга — в отдельности друг от друга теряют свои преимущественные качества: с одной стороны, как уже отмечалось, животные, лишенные той степени развития умственной способности, которой она достигла в человеке, не имеют речи; с другой же стороны, мысль

¹ Там же, стр. 194.

² Там же, стр. 193.

³ Там же, стр. 384.

⁴ Там же, стр. 290.

⁵ Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 135.

⁶ А. Н. Радицев, в указ. соч., стр. 385.

⁷ Там же, стр. 386.

⁸ Там же, стр. 290.

человека, от природы лишенного способности говорить, никогда не достигает того развития, которое она имеет у нормального человека. Без речи «... онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыла бы в е д е й с т в у и и и, п о л у м е р т в ы, как семя, как зерно, содержащее в себе древо величайшее, которое и даст покоющемуся сень, и согреть охладившего, и пищу даст прохладную утомленному, и покровом будет от зною и непогоды, и пренесет по валам морским жаждущего богатства или науки до концов вселенныя, но которое без земли, без влажности м е р т в е е т, н и ч т о ж е с т в у е т¹ (разрядка моя.— М. С.). Ту же мысль Радищев проводит еще в первой части («книжке») своего трактата: «... сколь бы шествие разума без звучныя речи было точно и пресмыкающеся!»²— восклицает он.

Итак, по мнению Радищева, лишенная звукового, словесного выражения, мысль человека мертвеет, коснеет, становится ограниченной. Человек способен к нормальному мышлению только благодаря тому, что оно находится в единстве со звуковой речью, с языком и выражается в языке. Речь, по Радищеву, не только выражает отдельные мысли, но и синтезирует их: «Речь есть, какжется, средство к собранию мыслей воедино»³. Из такого понимания функций речи естественно вытекает оценка Радищевым взаимосвязи мысли и языка как мощного фактора познания окружающей реальности. По мере того как человек приобретал способность говорить, его умственные силы проявлялись и укреплялись, содействуя познанию природы и ее законов: «... как будто окрест вращающегося среди густейшей мглы испадает мрак и темнота, очи его зрят ясность, уши слышат благогласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; доколе же чужд был и того и другого»⁴.

Живой интерес, проявляемый выдающимся русским философом к вопросу о взаимоотношении языка и мышления, и то значение, которое он придавал этому вопросу, заставили Радищева обратиться к научным данным, которые помогли бы ему в его исканиях. Поэтому понятно, почему Радищев так внимательно относился к деятельности французского педагога XVIII в. аббата Лепе, основавшего школу для обучения глухонемых «языку жестов». Радищева в данном случае интересовало, во-первых, может ли «язык жестов» заменить истинный язык, звуковую речь нормальных людей, и, во-вторых, в какой степени развито мышление у людей, лишенных способности говорить и слышать, — у глухонемых (из контекста видно, что он имеет в виду глухонемых от рождения). Выяснение этих вопросов облегчало решение проблемы об отношении языка к мышлению и мышления к языку. Если «язык жестов» может стать равноценным и равнозначным с «языком слов», если глухорожденные способны в мышлении своем достигать той же степени, которой достигает в своем развитии мышление нормального человека, то это будет означать, что мысль человека может существовать и без речи, совершенствоваться и развиваться отдельно от нее, что речь не имеет тесной связи с мышлением, что «язык слов» может без ущерба быть заменен «языком жестов», и потому речь могла когда-то и не существовать в человеческом обществе. Если же «язык жестов» является по своей природе ограниченным и если глухонемые, вообще, конечно, способные к развитию мыслительной деятельности, не могут, однако, достичь в мышлении тех вершин, которых достигает человек, владеющий речью, расширяющей его «мысленные силы», то это будет означать тесное и неразрывное единство мысли и языка и приведет, между прочим, к важному в этом отношении выводу о том, что язык свойствен всякому человеческому обществу, в том числе и первобытному, что он является непременным и древнейшим орудием общения людей. Надо сказать, что эти вопросы Радищев решал, в основном, правильно. Отдавая дань уважения трудам аббата Лепе в области обучения глухонемых «языку жестов», он, однако, указывает на то, что и «язык жестов» был изобретением человека, одаренного речью. Если даже Лепе удалось научить глухонемых беседовать с ним и друг с другом, понимать чужие мысли и сообщать свои, то все же изъяснение сложных внутренних чувств при посредстве «языка жестов» невозможно, хотя бы уже потому, что человек, от рождения лишенный слуха, лишен и многих внутренних чувств. Глухонемой, наученный «языку жестов», сможет развивать свои мыслительные способности, но это развитие будет идти более путем подражания, чем своим самостоятельным путем. Обращение Радищева к аббату Лепе, заключающее в себе эти выводы, заслуживает дословного цитирования. «О, ты,— обращается он к Лепе,— возможный речью одарить немого, ты, соделавший чудо, многие превышающее, не возмог бы ты ничего, если бы сам был безгласен, когда бы речь в тебе силы разума твоего не изощрила! Если немой, тобою наставленный, может причастен быть в твоих размышлениях, вероятно, чтобы разум его воспарил до изобретений речью одаренного. Хотя и то истинно, что лишение одного чувства укрепляет какое-либо другое; но вообще

¹ А. Н. Радищев, указ. соч., стр. 385—386.

² Там же, стр. 290.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 386.

разум лишенного речи более изощряться будет подражанием, нежели собственной своею силою; не имеющий слуха колких внутренних чувствований будет лишен, и, кажется, изъявления оных ему мало быть могут свойственны»¹.

Радищев считает, что передача мысли на основе звуковых и зрительных восприятий все же неизмеримо удобнее, чем на основе других чувств: осязания, обоняния, вкуса. Однако органы речи и слуха являются единственными органами, способными обеспечить нормальный обмен мыслями между людьми. «Если бы другие наши чувства столь же удобны были на понимание речи, как ухо и глаз, то бы, конечно, можно было сделать азбуку обоняемую, вкушаемую или осязаемую... но речь обоняемая, речь вкушаемая и даже речь осязаемая не могут быть только совершенны, как речь зримая, а паче того речь звучная: ибо сия единая в произношении своем есть разнороднейшая и соответствующая истинному органу слова»². Речь, говорит он в другом месте трактата «О человеке...», — «... есть наилучший и, может быть, единственный устроитель нашей мысленности»³; таким образом, по Радищеву, звуковая речь является единственным полноценным средством общения людей, и «язык жестов» не способен сколько-нибудь эффективно ее заменить.

На основе своих исследований Радищев приходит к категорическому признанию взаимосвязи речи и ее «водителя» — мысли, к выводу о том, что «... водитель речи, мысленность, возлагать будет орудие, речи лишенная»⁴. («Возлагать орудие» — выражение, означающее: «складывать оружие».) Мысль тесно связана с речью, речь развивает мысль, и это единство так необходимо человеку, что является отличительной чертой человеческого общества, начиная с самых ранних ступеней развития: «... и в самом диком состоянии человека, в первоначальном его состоянии, в состоянии естественном или руководителе (речь и рассудок. — М. С.) его не оставляют»⁵.

Говоря о «речи зримой», Радищев в основном имеет в виду, как это видно из контекста, письменную речь, непосредственно воспринимаемую органами зрения. Следует сказать, что Радищев не отделял письменную речь от устной, считая, что «письмо» есть не что иное, как «... произвольно начертанные знаки, кои означают звук, нами произносимый, слово»⁶. Он указывал, что изобретение письменности сыграло огромную роль в прогрессе человечества: «... едва человек мог соединить речь звучную с речью зримой, то потек на изобретения, дерзнул на возможность и успел»⁷.

Наряду с глубоко материалистическими положениями о взаимоотношении языка и мышления, у Радищева иногда встречаются высказывания, в которых проявляется непоследовательность, столь естественная для метафизического материализма, неспособного избежать уступок идеализму в частных вопросах. Однако нельзя не увидеть, что эти высказывания совершенно противоречат материалистическим положениям Радищева о связи языка с мышлением и не влияют на его материалистическое в целом мировоззрение.

М. М. Спектор

¹ Там же, стр. 290.

² Там же, стр. 388.

³ Там же, стр. 370.

⁴ Там же, стр. 385.

⁵ Там же, стр. 388.

⁶ Там же, стр. 387.

⁷ Там же, стр. 388.